

9. “On Principles of the State Language Policy” : Law of Ukraine of 03.07.2012 № 5029-VI, available at : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5029-17>
10. “On Fight against Terrorism” : Law of Ukraine of 20.03.2003 № 638-IV, available at : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/638-15>

УДК 343.918.1

ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ БЕЛОВОРТНИЧКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Мельничук Т.В., к.ю.н., доцент

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ул. Пионерская, 2, г. Одесса, Украина
t.melnychuk@onua.edu.ua*

Сформулированная Э. Сатерлендом теория беловоротничковой преступности в процессе развития криминологической мысли, а также эволюции преступной деятельности претерпела некоторые изменения, поэтому сегодня она рассматривается сквозь призму экономической и/или корпоративной преступности, а также преступности элит. В статье исследованы подходы к трактовке понятия, признаков и последствий беловоротничковой преступности.

Ключевые слова: беловоротничковая преступность, Э. Сатерленд, экономическая преступность, корпоративная преступность, зарубежная криминология.

ГЕНЕЗИС ТЕОРІЇ БІЛОКОМІРЦЕВОЇ ЗЛОЧИННОСТІ В КРИМІНОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ

Мельничук Т.В.

*Національний університет «Одеська юридична академія», вул. Піонерська, 2, м. Одеса, Україна
t.melnychuk@onua.edu.ua*

Сформульована Е. Сатерлендом теорія білокомірцевої злочинності в процесі розвитку криминологічної думки, а також еволюції злочинної діяльності зазнала деяких змін, тому сьогодні вона розглядається крізь призму економічної та/або корпоративної злочинності, а також злочинності еліт. У статті досліджено підходи до трактування поняття, ознак і наслідків білокомірцевої злочинності.

Ключові слова: білокомірцева злочинність, Е. Сатерленд, економічна злочинність, корпоративна злочинність, зарубіжна криминологія.

GENESIS OF WHITE-COLLAR CRIME THEORY IN CRIMINOLOGICAL SCIENCE

Melnychuk T.V.

*National university "Odessa law academy", str. Pionerskaya, 2, Odessa, Ukraine
t.melnychuk@onua.edu.ua*

By the middle of twentieth century a fundamentally different approach to the assessment of the factors and nature of crime has been formed in criminological science. It specially emphasizes on the social danger of the crimes committed by persons with high social status during their professional activities. Such kind of crime was named “respectable” one by E. Shur, “privileged” one by J. Shelley, but it received the greatest popularity as “white-collar” crime according to American criminologist Edwin Sutherland’s research. The theory has undergone some changes in the development of criminological thought, as well as the evolution of criminal activity. The article examines the different approaches to the interpretation of concepts, attributes and consequences of white-collar crime, including transnational context. Nowadays the theory modified form has a significant impact on the contemporary developments of social and psychological nature of symbiotic forms of economic, politic, organized and other criminal activities related to the employment of the subject and his place in society stratification structure. Under transnational trends a new generation of white-collar criminals has appeared: they are influential persons who can change the laws of different countries in their own interests. Furthermore they illegally obtain profits or avoid losses by deception and use of international relations, the latest technologies and achievements of globalization, as well as insider information or methods to manipulate international markets. One of the most significant methodological problems of the modern white-collar crime concept “sound” is a mismatch of theoretical developments, legal (normative) consolidation and practice of law in relation to combating such crimes. The level of criminal repression to economic crime is not considered to be optimal, the balance of sanctions applied to the category of white-collar criminals is also not maintained (fines are being applied as the most lenient punishment or isolation penalty as the most severe).

Key words: white-collar crime, E. Sutherland, economic crime, corporate crime foreign criminology.

Транзитивное состояние украинского общества во многом связано с социально-экономическими преобразованиями, которые прогнозировано направлены на утверждение рыночной экономики, повышение благосостояния государства и его граждан, однако неизбежно проходят в условиях тенезации бизнеса, институционализации коррупции, корпоративизации экономической преступности. С научным осмыслением того, что криминальная активность характерна не только для лиц, находящихся в маргинальном состоянии, но и для лиц, обладающих высоким социально-экономическим статусом, криминологическая наука столкнулась в связи с необходимостью комплексного исследования феномена «беловоротничковая преступность», а предупредительная практика – необходимостью работы с особой разновидностью носителей подобной криминальной активности. В отличие от преступников общеуголовного профиля, беловоротничковые используют свое служебное положение или высокий статус для совершения преступлений и сокрытия от ответственности. Они не применяют насилие, в каком-то смысле они являются дистанцированными от потерпевших. Соответственно, меры предупредительного воздействия, а также санкции за противоправные деяния «белых воротничков» должны иметь особую специфику с учетом современных тенденций криминализации общества.

Исследование криминальной активности «белых воротничков»¹ зародилось в США, а в странах постсоветского пространства проходило в русле развития криминологических учений об экономической преступности. Среди наиболее известных зарубежных ученых, изучавших криминологические аспекты беловоротничковых преступлений, следует назвать Г. Кайзера (Германия), Р. Квинни (США), М. Клайнарда (США), Г. Маннгейма (Германия), Э. Сатерленда (США), Б. Свенссона (Швеция), Г.Й. Шнайдера (Германия), Э. Шура (США), Г. Эдельхертца (США) и других. В России и Украине фундаментальными в этом аспекте признаны работы А.Н. Бойко, Л.Д. Гаухмана, А.И. Долговой, О.О. Дудорова, А.Г. Кальмана, В.М. Есипова, В.В. Колесникова, А.В. Корчагина, В.В. Лунеева, В.Д. Ларичева, С.В. Максимова, А.С. Никифорова, Э.Ф. Побегайло, Т.В. Пинкевич, В.М. Поповича, П.С. Яни и других ученых.

Цель статьи – исследование трансформации теории беловоротничковой преступности, ее современной интерпретации и возможности внедрения в практику предупредительной деятельности.

В поисках природы и социальной обусловленности преступного поведения криминологическая наука обращалась к факторному анализу параметров благосостояния, а также их влияния на степень криминализации общества. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте», опубликованном в 1848 г., подчеркивали важность экономических условий и классовой борьбы для таких социальных проблем, как преступность, бедность и так далее.

Воздействие социально-экономических причин и условий было положено в основу экономической детерминированности преступного поведения, которой охватывались взаимодействия людей, возникающие при распределении товаров и услуг индивидам в рамках конкретной социальной системы. При этом следует отметить, что с изменением экономических систем менялось также определение сущности преступности.

В зарубежной криминологии еще в начале XX века корыстная преступность считалась уделом бедных слоев населения и включала кражи и прочие посягательства на собственность, нищенство, бродяжничество [1]. Причиной того, что преступность была сосредоточена в низших слоях общества, служило закрепление в качестве уголовно наказуемых лишь тех деяний, которые были порождены бедностью и нищетой. Э. Шур справедливо отмечает: «Любая оценка взаимосвязи между преступностью и социальным классом как ее носителем серьезно затрудняется тем фактом, что официальный ход делам, совершаемым профессиональными преступниками, занимающими высокое социально-экономическое положение, дается лишь в редких случаях. <...> Если бы поведение таких лиц систематически регистрировалось, то и в низших, и в высших классах уровень преступности был бы одинаково высоким, и только средний класс дал бы более низкие показатели» [2, с. 63-64].

Таким образом, к середине XX века формируется принципиально иной подход к оценке причин и сущности преступности с акцентом на особой социальной опасности преступлений, совершаемых в

¹ В начале XX века в США «белыми воротничками» стали называть служащих высшего и среднего звена фабрик, занимающихся нефизическим трудом; их отличали рубашки белого цвета с воротником (в отличие от просторабочих – так называемых синих воротничков).

ходе своей профессиональной деятельности лицами с высоким социальным статусом. Э. Шур называет такую преступность «респектабельной» [2], Дж. Шели – «привилегированной» [3], однако наибольшую популярность она получила в результате исследований американского криминолога Э. Сатерленда как «беловоротничковая» преступность [4].

Э. Сатерленд впервые употребил термин «беловоротничковое преступление» (white-collar crime) в своем обращении к Американскому социологическому обществу в 1939 г. Согласно его определению, речь шла о «преступлении, совершенном в процессе профессиональной деятельности уважаемым (респектабельным) лицом, имеющим высокий социальный статус». С точки зрения действующего на тот момент законодательства описанные действия не могли быть формально признаны преступлениями, поскольку профессиональная деятельность «высших классов» подлежала гражданскому или административному регулированию, в то время как известные правосудию составы охватывали преимущественно преступные деяния «социального дна». Однако необходимость привлечения к уголовной ответственности тех, кто с целью собственного обогащения или предотвращения убытков мог бы действовать вопреки интересам корпорации, была продиктована новыми экономико-историческими условиями (в 1930-х гг. США претерпели Великую депрессию, обусловленную также противоправными действиями «белых воротничков» на фондовом рынке).

В своих ранних работах Э. Сатерленд подчеркивал воздействие беловоротничковой преступности на отдельных лиц, корпорации и общество в целом, утверждая, что финансовый ущерб от беловоротничковых преступлений «оказывается в несколько раз большим, чем урон, причиняемый всеми другими видами преступлений». Однако этот финансовый ущерб, несмотря на его порой исключительные размеры, не столь серьезен, как проистекающий от подобных правонарушений вред, наносимый общественным отношениям. Э. Сатерленд отмечал: «Преступления белых воротничков связаны с обманом доверия, и потому ведут к появлению недоверия, а это снижает моральные ценности в обществе и способствует социальной дезорганизации».

При этом наблюдалась двойственная реакция общества на беловоротничковые преступления. С одной стороны, общественность не воспринимала характер неправомερных действий «белых воротничков» как преступный по причине отсутствия жертв как таковых. С другой стороны, если такие деяния и воспринимались как преступления, то их опасность нивелировалась обществом ввиду ненасильственного характера.

Наиболее серьезными преступлениями, приведенными в работе Э. Сатерленда, были нарушения антитрестовского законодательства, незаконные сокращения производственных показателей, представление заниженных сведений о полученных прибылях, нарушения патентного права, торговой марки и авторских прав, неправильное рекламирование товаров, нечестные махинации в отношении профсоюзов, финансовые манипуляции (включая взяточничество, вымогательство при установлении зарплаты и привилегий, неправильное расходование фондов корпорации, несоблюдение правил техники безопасности), а также нарушения особых правил функционирования в военное время.

Выводы Э. Сатерленда послужили толчком для развития научной мысли, указали первоначальное направление исследований беловоротничковых преступлений и совершающих их лиц не только в США, но и в общемировых масштабах. Так, например, пятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г., Женева) отнес преступность «белых воротничков» к числу наиболее опасных видов преступности, представляющих своеобразную «форму бизнеса». По мнению экспертов этого конгресса, такая преступность осуществляется в целях экономической выгоды и связывается с некоторыми видами коммерции, промышленности и торговли, с определенной формой организации, использует или злоупотребляет законными формами и методами управления делами. Лица, участвующие в совершении этих преступлений, занимают относительно высокое социальное положение и/или обладают политической властью [5, с. 7-8].

Однако, несмотря на общее положительное восприятие и признание практической значимости теории беловоротничковой преступности, ввиду противоречивости формулировок (термин «респектабельность» считали недостаточно четким) эта по своей сути криминолого-социологическая концепция не получила соответствующего юридического закрепления и не могла быть должным образом перенесена в сферу правоприменительной деятельности.

Последователи Э. Сатерленда прилагали усилия по усовершенствованию понятия и признаков беловоротничковой преступности, чтобы от доктринального толкования перейти к приемлемым нормативным конструкциям и очертить круг уголовно наказуемых деяний. Попытки уточнить понятие обуславливались недостатками традиционных трактовок: они не охватывали и не учитывали преступления, совершаемые вне сферы постоянной деятельности правонарушителей и связанные, например, с уклонением от уплаты налогов путем фальсификации декларации о доходах, мошенничеством при купле-продаже земельных участков, недвижимости и так далее. В связи с этим большинство определений, сформулированных после Э. Сатерленда, имели более широкую трактовку.

По мнению немецкого криминолога О. Терстегена, беловоротничковая преступность – это антиобщественное, нацеленное на обогащение поведение, которое лицами, занимающими социально престижное положение, практикуется в рамках своей профессии таким образом, что они при одновременной предпосылке законопослушного поведения всех остальных злоупотребляют общественным доверием, которым обязательно пользуется их группа [6, с. 286-288].

Американский криминолог Г. Эдельхертц предложил следующее определение беловоротничковых преступлений: «Незаконное действие или ряд незаконных действий, совершенных без применения физических средств путем сокрытия или хитрости с целью получения/предотвращения потери денег или имущества, а также получения деловой или личной выгоды» [7]. Из него следует, что ученый в качестве ключевых выделяет признаки обмана или злоупотребления доверием, корыстной выгоды и скрытости преступлений, но игнорирует «эксклюзивность» субъекта, то есть принадлежность к высшему классу [8].

Однако такие определения подвергались значительной критике в связи с тем, что критерии злоупотребления доверием слишком расширяют границы беловоротничковой преступности, включая в ее состав любой обман.

Постепенно понятие беловоротничковой преступности трансформируется, и к середине 1980-х гг. в криминологической литературе оно все чаще звучит в контексте исследований экономической преступности и составляющих ее служебных преступлений.

По мнению М. Леви, одного из исследователей беловоротничковой преступности в Великобритании, указанный термин подразумевает преступления, совершенные самим «бизнесом против бизнеса» [9].

Главный директор Совета по предупреждению преступности при Департаменте юстиции Швеции Б. Свенссон, который анализировал явление, называемое уже не беловоротничковой, а экономической преступностью, указывал, что в ее состав необходимо включать прежде всего преступления, которые преследуют в качестве прямого мотива экономическую выгоду. Кроме того, он отмечал такие признаки экономической преступности, как систематичность, длящийся характер и осуществление в пределах легальной хозяйственной деятельности, на основании которой возникают преступные деяния [10, с. 4].

По словам Г. Шнайдера, в число служебных преступлений включаются «все правонарушения, совершаемые в процессе исполнения служебных функций: неоправданная коммерциализация медицинского обслуживания (например, проведение ненужных хирургических операций по умыслу неточно поставленным диагнозам, перерасход медицинских инструментов и аппаратуры, прописывайте ненужных медикаментов), выполнение ненужных работ при авторемонте, приписка невыполненных работ, продажа залежалых продуктов (фруктов, мяса, яиц) как свежих или испорченных консервов, «накручивание» лишних километров водителями такси» [11, с. 44]. Критикуя выделение в составе экономической преступности группы служебных преступлений с включением в нее массы мелких и малозначительных правонарушений, российский криминолог В.Н. Бурлаков, считает: «Это попытка перевести вектор общественного внимания с систематических масштабных преступлений, совершаемых представителями крупного и среднего бизнеса, самими предпринимателями, на хоть и многочисленные, но крайне несущественные в отношении как материального ущерба, так и общественной опасности деликты простых наемных работников» [12].

Считаем, что было бы неоправданно исключать из характеристик беловоротничковой преступности связь с профессиональной или другой социальной «занятостью» субъекта, поскольку именно она создает возможности для совершения преступлений и служит атрибутом внешней респектабельности. В связи с этим интерес представляет концепция должностного преступления, иными словами –

преступления, связанного с профессиональной деятельностью (occupational crime), предложенная Г. Грином. Она охватила те виды поведения, которые до этого попадали в категории беловоротничковых, синеворотничковых преступлений и их вариантов. Г. Грин считает, что преступление, связанное с занятостью, – это «любой наказуемый по закону акт, совершенный благодаря возможностям, создаваемым в рамках деятельности, являющейся законной» [13, с. 15]. Ученый разделяет эти преступления на четыре категории: 1) организационные (в том числе корпоративные преступления); 2) профессиональные; 3) преступления, связанные с использованием государственной власти; 4) индивидуальные.

Исходя из тенденций корпоративизации хозяйственной деятельности, а соответственно, и противоправных трансакций в этой сфере, учеными в свое время была предпринята попытка рассмотреть теорию беловоротничковой преступности сквозь призму «корпоративной преступности» (или преступности корпораций).

Так, Дж. Колеман и Д. Кресси разделяют беловоротничковую преступность на два вида: преступления, совершаемые во имя какой либо корпорации, и преступления, совершаемые против какой либо корпорации [14, с. 218-219].

Придерживаясь аналогичного принципа, Р. Куинни и М. Клайнард в рамках экономической преступности выделяют два вида. Первый вид – преступность по роду занятий, то есть преступления, совершаемые индивидами в процессе профессиональной деятельности в целях личной наживы (выгоды), а также преступления служащих в отношении своих предпринимателей. Второй вид – преступность корпораций (относимая ими к разряду беловоротничковой преступности). В него входят преступления как самих юридических лиц – корпораций, так и представителей администрации корпораций [15, с. 8].

О. Хорнинг предложил разделить категорию беловоротничковой преступности на три части, чтобы конкретизировать различные формы поведения. Он оставил термин «беловоротничковое преступление» для действий, совершаемых штатными сотрудниками, для которых их место работы является или потерпевшей стороной, или местом совершения незаконного действия, из которого они извлекают личную выгоду (например, растрата). Корпоративным преступлением О. Хорнинг называет незаконные действия, совершаемые сотрудниками в рамках выполнения их трудовых обязанностей, которые прежде всего приносят пользу компании или корпорации (например, незаконный сброс опасных отходов). Синеворотничковыми преступлениями называется ряд незаконных действий, совершенных внештатными сотрудниками в ущерб их месту работы (например, хищение оборудования) [16, с. 282].

По мнению Р. Гуда, для беловоротничковой преступности характерны следующие особенности: она представляет собой социологическую категорию; деяния совершаются умышленно, в корыстных целях; деяния связаны с криминогенной корпоративной культурой и дифференцированными ассоциациями; деяния обладают признаками обучения и поддержки микросредой; деяния в основном наказуемы незначительными штрафами; деяния имеют опосредованную виктимизацию; деяния обладают недостатком информации; изучение такого рода деяний затрудняется ограниченными ресурсами и методологическими проблемами [17].

Отечественная научная литература восприняла идеи зарубежных криминологов. Под беловоротничковой преступностью она понимает преступления, которые осуществляются без применения насильственных методов, совершаемые в целях извлечения финансовых прибылей с использованием обманных методов лицами, которые по своему общественному положению принадлежат к предпринимателям и профессионалам высокого или среднего уровня и используют свое служебное положение и профессиональные навыки для совершения незаконных действий [18, с. 4].

В работах украинских ученых можно также встретить определения, построенные на дихотомии – отрицании. Так, П.М. Коваленко, исследуя мошенничество в биржевой торговле, беловоротничковым называет преступление, которое характеризуется высоким уровнем латентности и совершается в пределах легитимной профессиональной деятельности состоятельными лицами, которые не являются представителями организованных преступных группировок, не ведут открыто общественно негативный образ жизни и имеют высокий социальный статус. Говоря о современной беловоротничковой преступности на финансовых рынках, автор констатирует появление ее нового поколения – транснациональной преступности. К этому виду он относит таких беловоротничковых преступников, которые являются влиятельными лицами, способными менять законодательство

различных стран в собственных интересах, и с помощью обмана и использования международных связей, новейших технологий и достижений глобализации противоправно получают прибыли или избегают убытков, используя инсайдерскую информацию или методы манипулирования котировками в биржевой торговле [19, с. 13-14].

Некоторыми схожими с беловоротничковой преступностью характеристиками современные исследователи наделяют так называемую элитарную преступность. С.Ф. Идрисова рассматривает элиту как группу девиантного риска в следующих разновидностях: а) политическая элита – политики, занимающие места в высших и средних эшелонах власти; б) экономическая элита – субъекты экономики, представители бизнеса (владельцы, президенты, генеральные директора крупнейших корпораций, компаний, холдингов, банков, фондов, связанные с бизнесом, и так далее); в) социальная элита – руководители образовательных, здравоохранительных, культурных, спортивных учреждений, руководители крупных институтов гражданского общества. Преступления чиновников, элиты связаны в основном с их возможностью использовать выполнение должностных обязанностей, служебных правил, административных регламентов не в общественных, государственных, а в личных интересах. Элитарная преступность носит во многом релятивный характер и обуславливается конкретно-историческими условиями общественной трансформации [20].

Теория беловоротничковой преступности прочно укрепилась в криминологической науке. В модифицированном виде она оказывает существенное воздействие на современные разработки социально-психологической природы симбиотических форм экономической, служебной, организованной и другой преступной деятельности, связанной с занятостью субъекта и его социальным статусом. Проанализировав различные подходы к определению и пониманию беловоротничковой преступности, мы вынуждены констатировать, что отсутствие общепринятых критериев отнесения преступлений к беловоротничковым обуславливает разночтения в научных позициях, что влияет также на качество криминологической характеристики.

Очевидно, что одной из наиболее существенных методологических проблем современного «звучания» концепции беловоротничковой преступности является рассогласованность теоретических разработок, юридического (нормативного) закрепления и практики правоприменения в отношении противодействия таким преступлениям. Неоптимальной остается степень уголовной репрессии, не соблюдается баланс применяемых к категории преступников в «белых воротничках» санкций (чаще всего применяются штраф как самое мягкое наказание либо наказание, связанное с изоляцией, как самое суровое).

Не претендуя на выделение беловоротничковых преступлений в качестве самостоятельного раздела уголовного законодательства или хотя бы института права, все же считаем практически оправданным и необходимым учет криминологических исследований при формировании государственной политики борьбы с теневой экономикой и коррупцией с особым вниманием к их проявлениям не в бытовой, а именно социально-элитарной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонгер В. Бродяжничество и нищенство / В. Бонгер // Уголовное право и социализм. Сборник статей / пер. под ред. и с предисл. : Гернет М.Н. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – С. 57-78.
2. Шур Э.М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке / Шур Э.М. ; под ред. : Кудрявцев В.Н. (предисл.) ; пер. с англ. Неподаев Ю.А. – М. : Прогресс, 1977. – 326 с.
3. Криминология / под ред. Дж.Ф. Шелли ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2003. – 864 с.
4. Sutherland E.H. White Collar Criminality / E.H. Sutherland // American Sociological Review. – V. – 1940. – P. 1-12 ; Sutherland E.H. Is «White Collar Crime» Crime? / E.H. Sutherland // American Sociological Review. – 10, 1945. – P. 132-139 ; Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э.Х. Сатерленд // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сборник статей The sociology of crime and delinquency / под ред. : Никифоров Б.С. ; пер. с англ. : Никифоров А.С., Яковлев А.М. ; вступ. ст. : Кудрявцев В.Н., Никифоров Б.С. – М. : Прогресс, 1966. – 368 с. – С. 45-59 ; Sutherland E.H. White Collar Crime / Foreword by Donald R. Cressey. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 1983. – 272 p.

5. Изменения в формах и масштабах преступности – международной и внутригосударственной / Пятый Конгресс ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями // A/CONF.56/3 / Рабочий документ Секретариата ООН. Женева, 1975. – 67 с.
6. Terstegen O. (1961): Die sogenannte „Weiße-Kragen-Kriminalität“ unter besonderer Berücksichtigung des Entwurfs eines Strafgesetzbuches 1962, in: Bundeskriminalamt (Ed.), Strafrechtspflege und Strafrechtsreform, Wiesbaden: 81 p.; Кайзер Г. Криминология. Введение в основы / Г. Кайзер; пер. с нем. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 286-288.
7. Edelhertz H. The Nature, Impact and Prosecution of White-Collar Crime / Edelhertz H. – 1970. – No.: ICR 70-1. – 77 p.
8. Larsson D. The Reaction Towards White Collar Crime: When White Collar Crime Matters / Daniel Larsson and Tage Alalehto // The Open Criminology Journal. – 2013. – № 6. – P. 1-9.
9. Levi M. Regulating fraud: white-collar crime and the criminal process / Michael Levi. – Tavistock Publications, 1987. – 386 p.
10. Свенсон Б. Экономическая преступность / Свенссон Б.; перевод со шведского; вступ. ст.: Решетов Ю.А.; под ред. и со вступ. ст.: Могунова М.А. – М.: Прогресс, 1987. – 160 с.
11. Шнайдер Г.И. Криминология / Г.И. Шнайдер; пер. с нем. Ю.А. Неподаев; ред. Л.О. Иванов. – М.: А/О «Издат. группа «Прогресс», 1994. – 502 с.
12. Криминология – XX век [Электронный ресурс] / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2000. – 554 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/burlak/10.php.
13. Green G.S. Occupational crime / Gary S. Green. – Nelson-Hall Publishers, 1997. – 329 p.
14. Coleman J.W., Cressey D.K. Social problems (Fourth Edition) / Donald Ray Cressey, James William Coleman. – New York: Longman Higher Education, 1990. – 571 p.
15. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой: на материалах США и Германии / Дементьева Е.Е. // Гл.информ.центр МВД России, Журн. «Законность». – М.: ИНИОН, 1992. – 51 с.
16. Бартол К. Психология криминального поведения / Бартол К. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
17. Russ L. Crime and Deterrence [Electronic resource] / Russ Long. – Access mode: www.delmar.edu/sorsci/rlong/intro/crime. January 3, 2000.
18. Биленчук П.Д. Транснациональная преступность: состояние и трансформация: учебное пособие / П.Д. Биленчук, С.Е. Еркенов, А.В. Кофанов; под ред. акад. П.Д. Биленчука. – К.: Атика, 1999. – 272 с.
19. Коваленко П.М. Запобігання шахрайству на фінансових ринках у біржовій торгівлі: автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / П.М. Коваленко; Національна академія внутрішніх справ України. – К., 2005. – 20 с.
20. Идрисова С.Ф. Элитарная преступность как социальный феномен: автореф. дисс. на соиск. науч. степ. доктора социол. наук: спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Идрисова Светлана Феликсовна; Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2012. – 60 с.

REFERENCES

1. Bonger V. (1908), “Vagrancy and begging”, *Ugolovnoe pravo i sotsializm. Sbornik statey*, Translated by Gernet, M.N., Moscow, Russia, pp. 57-78.
2. Shur, E.M. (1977), *Nashe prestupnoe obshchestvo. Sotsialnye i pravovye istochniki prestupnosti v Amerike* [Our criminal society. Social and legal sources of crime in America], Translated by Nepodaev, Yu.A., Moscow, Russia.
3. Shelli, G.F. (2003), *Kriminologiya* [Criminology], Translated, Saint Petersburg, Russia.

4. Sutherland, E.H. (1940), "White Collar Criminality", *American Sociological Review*, no. 5, pp. 1-12 ; Sutherland, E.H. (1945), "«White Collar Crime» Crime?", *American Sociological Review*, no. 10, pp. 132-139 ; Saterlend, E.Kh. (1966), *Sotsiologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii : sbornik statey* [The sociology of crime and delinquency], Translated by Nikiforov, A.S. and Yakovlev, A.M., Moscow, Russia, pp. 45-59 ; Sutherland, E.H. (1983), "White Collar Crime", Foreword by Donald R. Cressey. – Westport, Conn. : Greenwood Press.
5. "Changes in Forms and Dimensions of Criminality – Transnational and National", *Pyatyy Kongress OON po preduprezhdeniyu prestupleniy i obrashcheniyu s pravonarushitelyami, Rabochiy dokument Sekretariata OON* [The Fifth United Nations Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders], Geneva, (1975),
6. Terstegen, O. (1961) Die sogenannte „Weiße-Kragen-Kriminalität“ unter besonderer Berücksichtigung des Entwurfs eines Strafgesetzbuches 1962, in: Bundeskriminalamt (Ed.), *Strafrechtspflege und Strafrechtsreform*, Wiesbaden, 81 p. ; Kayzer, G. (1979), *Kriminologiya. Vvedenie v osnovy* [Criminology. Introduction to the basics], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia pp. 286-288.
7. Edelhertz, H. (1970), *The Nature, Impact and Prosecution of White-Collar Crime*, no. ICR 70-1, 77 p.
8. Larsson, Daniel and Alalehto, Tage (2013), "The Reaction Towards White Collar Crime : When White Collar Crime Matters", *The Open Criminology Journal*, no. 6, pp. 1-9.
9. Levi, M. (1987), *Regulating fraud : white-collar crime and the criminal process*, Tavistock Publications.
10. Svenson, B. (1987), *Ekonomicheskaya prestupnost* [Economic crime], Translated by Reshetov, Yu.A., Moscow, Russia.
11. Shnayder, G.I. (1994), *Kriminologiya* [Criminology], Translated by Nepodaev, Yu.A., Moscow, Russia.
12. Burlakov, V.N. and Salnikov, V.P. (2000), *Kriminologiya – XX vek* [Criminology – XX century], Izdatelstvo «Yuridicheskij tsentr Press», available at : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/burlak/10.php.
13. Green, G.S. (1997), *Occupational crime*, Nelson-Hall Publishers.
14. Coleman, J.W. and Cressey, D.K. (1990), *Social problems* (Fourth Edition), New York : Longman Higher Education.
15. Dementeva, E.E. (1992), "Economic crime and the fight against it in the countries with developed market economies : based on materials of the US and Germany", *Gl. inform. tsestr MVD Rossii, Zhurn. «Zakonnost»*, Moscow, Russia.
16. Bartol, K. (2004), *Psikhologiya kriminalnogo povedeniya* [Psychology of criminal behaviour], Praym-Evroznak, Saint Petersburg, Russia.
17. Russ, Long (2000), "Crime and Deterrence", available at : www.delmar.edu/sorsci/rlong/intro/crime.
18. Bilenchuk, P.D., Erkenov, S.E. and Kofanov, A.V. (1999), *Transnatsionalnaya prestupnost : sostoyanie i transformatsiya : uchebnoe posobie* [Transnational crime : condition and transformation : teaching aid], Atika, Kyiv, Ukraine.
19. Kovalenko, P.M. (2005), "Preventing fraud in the financial markets of exchange trade", Thesis abstract for Cand. Sc. (Jurisprudence), 12.00.08, National academy internal affairs of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
20. Idrisova, S.F. (2012), "Elite crime as a social phenomenon", Thesis abstract for Cand. Sc. (Sociology), 22.00.04, The Ural federal university of the name of first President Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russia.